

*Михаил Алмазов: Действия московской власти в 1905 г.
в интерпретации А.В. Островского*

*Mikhail Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
A.V. Ostrovskii on the actions of the Moscow authorities in 1905*

DOI: 10.31857/S0869568722040161, EDN: JAYEVH

Работа покойного А.В. Островского стала фактически первой за последние 10 лет попыткой масштабного авторского осмысления природы российского революционного процесса и реформирования государственного строя в начале XX в. Затронул исследователь и проблему потенциала и эффективности действий московских властей в борьбе с революционным и либерально-оппозиционным движением. Обращение к данной теме представляется особенно важным при изучении причин Октябрьской всеобщей политической стачки 1905 г., как известно, начавшейся именно в Москве. Конечно, приходится учитывать незавершённость данного труда учёного и предвзятый характер освещения многих сюжетов книги. Однако уверенность историка в том, что в 1905 г. оформился негласный союз между частью бюрократии и оппозиционными силами, заставляет внимательнее присмотреться к характеристике им лиц, стоявших во главе московской администрации в период Октябрьской стачки, и прежде всего генерал-губернатора П.П. Дурново, градоначальника барона Г.П. Медема и начальника охранного отделения А.Г. Петерсона.

Говоря о Дурново, ставшем генерал-губернатором 15 июля 1905 г., Островский подробно описал его семейные и деловые связи, полагая, что они оказали серьёзное влияние на его назначение и последующие действия. Особо отмечены при этом «декабристские связи П.П. Дурново». «Прежде всего здесь следует назвать его дядю по отцу Николая Дмитриевича Дурново, который входил в преддекабристскую организацию “Рыцарство”», — указывает Островский (I, с. 672). Но почему-то забывает добавить, что 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант Н.Д. Дурново находился в ближайшем окружении Николая I и удостоился упоминания в царских записках об этом событии наряду с кн. П.В. Голенищевым-Кутузовым, С.С. Стрекаловым и графами В.Ф. Адлербергом и В.А. Перовским⁶⁰. Гораздо интереснее историку показалось то, что «дядя» (а на самом деле — дальний родственник) жены генерал-губернатора, урождённой кн. М.В. Кочубей, «был женат на княжне Елене Сергеевне Волконской — дочери знаменитого декабриста Сергея Григорьевича Волконского и Марии Николаевны Раевской, отправившейся вместе с мужем в Сибирь и воспетой Н.А. Некрасовым». И опять же ни слова не сказано о том, что сама Мария Васильевна приходилась внучкой создателю МВД, а позднее — председателю Государственного совета кн. В.П. Кочубею, который был фигурой во всех отношениях несопоставимо более крупной. По ошибке тестем Петра Павловича в книге назван не имевший отношения к его жене Василий Аркадьевич Кочубей. Кстати, среди прямых предков генерал-губернатора были генерал-аншеф и екатерининский сенатор, губернский предводитель петербургского дворянства, по материнской линии — знаменитые заводчики Демидовы... Однако все они игнорируются, а читателю сообщается про ускользающее дальней родство с Муравьевыми-Апостолами и проч. Впрочем, важнее всего то, что

⁶⁰ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост. Н.И. Азарова. М., 2000. С. 57.

автор не пояснил, как те или иные родственные отношения и воспоминания сказались на деятельности Петра Павловича в 1905 г. (I, с. 672).

Упомянув, что «П.П. Дурново был не только чиновником, но и предпринимателем», историк обнаружил у него «тесные связи с семьёй Гинцбургов», из чего делался вывод: «Таким образом, летом 1905 г. управление Москвой было передано в руки человека, который самым тесным образом сотрудничал с еврейским капиталом и был близок к признанному лидеру еврейского народа барону Г.О. Гинцбургу — человеку, который не только стоял за спиной возникшего весной 1905 г. Союза борьбы за полноправие еврейского народа, но и имел связи с революционным подпольем. Поэтому рассчитывать на твёрдость П.П. Дурново в борьбе с революционным движением не приходилось» (I, с. 673). При этом биограф банкира Г.Б. Слиозберг, на которого ссылался исследователь, писал исключительно о том, что Дурново посещал дом барона «в числе многих других генералов», поскольку вместе с Гинцбургами (и иными компаньонами, каковых было немало) состоял в числе учредителей и пайщиков ряда банков и акционерных обществ⁶¹.

Вместе с тем в книге практически нет сведений о карьере Дурново, хотя в 1866–1870 гг. он занимал пост харьковского, а в 1872–1878 гг. — московского губернатора, т.е. обладал серьёзным административным опытом (включая столкновения с городским головой Первопрестольной) и давно знал город, которым руководил в 1905 г.⁶² Кроме того, с 1884 г. Дурново состоял гласным, а с 1904 г. — председателем Петербургской городской думы, и следовательно был близко знаком с особенностями местного самоуправления и его деятелями.

Видимо, эти обстоятельства и побудили императора остановиться на его кандидатуре. Чьим именно выдвинутым он был, на основе имеющихся данных сказать сложно. С.Ю. Витте в мемуарах склонялся к мысли, что «Пе Пе Дурново» был протеже председателя Государственного совета гр. Д.М. Сольского⁶³. Но, скорее всего, в Москву Петра Павловича направили не по инициативе министра внутренних дел А.Г. Булыгина и его товарища Д.Ф. Трепова. Островский вслед за В.Ф. Джунковским (в 1905 г. исправлявшим должность губернатора) даже сообщал об их противодействии назначению Дурново, но какими-либо документами это не подтверждается (I, с. 673).

По своим политическим воззрениям новый генерал-губернатор был скорее конформистом. Так, Витте в различных фрагментах своих мемуаров усматривал в его мировоззрении то «смесь либерализма и дворянского “моему нраву не препятствуй”», то отсутствие «определённых взглядов»⁶⁴. В то же время Пётр Павлович мог действовать в охранительном духе: председательствуя в петербургской думе, он в 1904 г. запретил либеральным гласным обсуждать приветственный адрес министру внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирскому, заявив о несочувствии «новому курсу»⁶⁵. Позднее, уже находясь в отставке,

---

⁶¹ Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург. Его жизнь и деятельность. К столетию со дня его рождения. Париж, 1933. С. 70.

⁶² Неслучайно при назначении Николай II поручил ему доставить «сведения о настоящем положении московского генерал-губернаторства» (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 553, л. 1).

⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 200, 298.

⁶⁴ Там же. С. 200, 298.

⁶⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм... С. 38.

генерал-адъютант демонстрировал оппозиционные настроения⁶⁶. Джунковский и Витте, подробнее других писавшие о личности московского генерал-губернатора, изображали его самовлюблённым бездельником, краснобаем и мелочным самодуром, не способным к серьёзному делу⁶⁷. Другие мемуаристы (Д.Н. Любимов, Г.О. Раух, М.С. Тюлин) фактически подтверждали эти наблюдения⁶⁸. Генерал-славянофил А.А. Киреев и вовсе обвинял его в трусости⁶⁹.

Судя по делопроизводственной документации, генерал-губернатор крайне вяло реагировал на поступающие сведения о росте революционного движения. Например, 25 сентября он никак не откликнулся на сообщение московского охранного отделения о стрельбе при столкновении между рабочими и войсками около дома градоначальника на Тверском бульваре⁷⁰. Впрочем, временами у него просыпался интерес к происходящему. Так, в приложении к докладу охранного отделения о задержанных после похорон ректора Московского университета кн. С.Н. Трубецкого у некоторых из них им были подчёркнуты либо место обучения, либо род занятий, либо возраст⁷¹.

Отмеченные Джунковским самодурство и мелочность «главного начальника» Москвы ярко проявились в предложении, сделанном им градоначальнику Медему 25 сентября: «не выезжать» из дома и взять на себя функции «главнокомандующего», разложив «на большом столе» план города и приказав чиновнику для особых поручений «наколоть» булавки на места расположения войсковых и полицейских нарядов для отслеживания их передвижения (сведения об этом должны были доставлять «по телефону» московские приставы)⁷². О техническом исполнении столь масштабной «операции» полицейским начальством, обременённым множеством обязанностей, Дурново явно не задумывался. Самым деструктивным же образчиком «охранительного творчества» генерал-губернатора стало данное им градоначальнику разъяснение, согласно которому обязательные постановления 1902 и 1905 гг., регулировавшие торговлю оружием, распространялись лишь на жителей Москвы и Московской губ., но не на тех, кто делал покупки «по почтовой квитанции»⁷³. Но и это едва ли свидетельствовало о его нелояльности существовавшему строю.

В докладной записке, составленной для Николая II к началу октября 1905 г., генерал-губернатор подробно изложил свой взгляд на либерально-оппозиционное и революционное движение в Москве. Не отрицая растущего влияния либералов на протестные выступления, Пётр Павлович заверял царя, что их представители стремятся лишь к удовлетворению личного тщеславия. Со своей стороны, он добивался усиления собственной власти: передачи в его ведение органов политического сыска, подчинения уездной полиции, действо-

⁶⁶ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 442; Дёмин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1907. М., 2006. С. 63.

⁶⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания / Под ред. А.Л. Паниной. Т. 1. М., 1997. С. 66; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 200, 298. См. также: Sanders J. The uprising of Moscow 1905. N.Y., 1987. P. 579–582.

⁶⁸ Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 256; ОР РГБ, ф. 307, к. 1, д. 4, л. 4; ГА РФ, ф. Р-6249, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁶⁹ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / Публ. К.А. Соловьёва. М., 2010. С. 90.

⁷⁰ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 60–61.

⁷¹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 248, л. 65–66.

⁷² «Дежурные» дневники московского градоначальства. 25 сентября 1905 г. – 10 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905–1907 гг. М., 1967. С. 30.

⁷³ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 264, л. 2.

вавшей в пригородах, столичному начальству, увеличения полицейских штатов⁷⁴. 4 октября, представляясь монарху, он испрашивал разрешения на обсуждение этих мер с Треповым, а 12 октября предложил Булыгину уравнивать в правах московского и Санкт-Петербургского генерал-губернаторов (это означало бы предоставление главе администрации дополнительных полномочий по поддержанию «порядка»: ставило бы под его контроль все гражданские учреждения, позволяло издавать любые обязательные постановления и вызывать по собственному усмотрению войска и т.д.). Очевидно, что данные инициативы явно не соответствовали планам оппозиции. Но 18 октября Трепов признал их несвоевременными после издания Манифеста 17 октября⁷⁵. Тем не менее Дурново вновь попытался расширить свои полномочия в ноябре 1905 г.⁷⁶ Вместе с тем ещё 29 сентября с подачи Медема он обратился к командующему войсками Московского военного округа Н.Н. Малахову с просьбой усилить гарнизон Москвы несколькими расквартированными за её пределами частями⁷⁷.

До Октябрьской стачки, пока не возникало необходимости применять силу, генерал-губернатор демонстрировал достаточно жёсткую позицию по отношению к протестам общественности. Сентябрьский земско-городской съезд Дурново, по согласованию с Треповым, разрешил провести лишь как частное собрание и при обязательном присутствии своего управляющего канцелярией А.А. Воронина⁷⁸. 25 сентября генерал-губернатор призывал казаков не стесняться применять оружие при подавлении беспорядков⁷⁹. Правда, по мере обострения ситуации Дурново пасовал: 15 октября он без возражений переслал Трепову петицию делегации московских фабрикантов, требовавших предоставления широких политических прав для успокоения бастовавших рабочих⁸⁰.

Назначенного 16 июля градоначальником барона Медема Джунковский именовал ставленником Дурново (I, с. 673–674)⁸¹. В 1879–1892 гг. барон возглавлял жандармскую полицию Царскосельской и Петергофской железнодорожных линий, в 1892–1893 гг. командовал Московским, а в 1893–1903 гг. – Санкт-Петербургским жандармскими дивизионами, после чего в 1903–1905 гг. занимал пост помощника начальника Отдельного корпуса жандармов. Бегло упомянув о его службе, Островский справедливо указал на полное отсутствие у Медема административного опыта (I, с. 674). Однако решающее значение играли всё же его личностные и деловые качества. Джунковский и Витте видели в нём заурядного жандармского строевого генерала (по мнению Джунков-

⁷⁴ Там же, д. 553, л. 1–3. Вскоре после своего назначения Дурново также просил Булыгина увеличить средства, выделявшиеся «на непредвидимые расходы по генерал-губернаторскому управлению». Однако в условиях финансового кризиса, вызванного русско-японской войной, император распорядился выплачивать Петру Павловичу ту же сумму, что и его предшественнику А.А. Козлову – 12 тыс. руб. (РГИА, ф. 934, оп. 2, д. 142, л. 6–6 об.).

⁷⁵ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 233, д. 43, л. 81–82, 84.

⁷⁶ Там же, оп. 95, д. 261, л. 147–148; *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 / Публ. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 504.

⁷⁷ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 12; *Всероссийская политическая стачка...* Ч. 1. С. 84–85.

⁷⁸ *Либеральное движение в России. 1902–1905.* М., 2001. С. 390; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 186, л. 2, 3.

⁷⁹ «Дежурные» дневники... С. 30.

⁸⁰ *Всероссийская политическая стачка...* Ч. 1. С. 477; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 217, л. 35. См. также: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм... С. 129–130.

⁸¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 65.

ского, не особенно понимавшего суть происходившего)⁸². Дежурный генерал штаба Московского военного округа Тюлин обличал градоначальника в трусости, развращённости и глупости⁸³.

Вместе с тем делопроизводственная документация свидетельствует, что барон отличался не только некомпетентностью в административных делах, но и формальным отношением к своим обязанностям. 20 сентября, ознакомившись с текстом экономических требований рабочих типографии Товарищества И.Д. Сытина, Медем ограничился тем, что приказал охранному отделению «принять предупредительные меры»⁸⁴. Неопределённость распоряжения способствовала началу забастовки работников московских типографий, являвшейся прологом Октябрьской всеобщей стачки⁸⁵. 2 октября на сообщении пристава 2-го участка Тверской части А.А. Юрьева о революционной деятельности одного из членов Союза типолитографских рабочих — машиниста Н.И. Чистова — появилась резолюция градоначальника: «Иметь это сообщение в виду. Пора приступить к действиям»⁸⁶. Никаких конкретных указаний вновь не последовало. Между тем в тот же день представители пяти профсоюзов (типографов, рабочих механического производства, столяров, табачников и железнодорожников) постановили призвать трудящихся Москвы выбирать депутатов для координации дальнейшей стачечной борьбы, а Союз типолитографских рабочих выпустил воззвание, убеждавшее городской пролетариат в необходимости выдвижения политических требований⁸⁷.

Островский не исключал, что подобным поведением барон выражал поддержку замыслов Витте по преобразованию страны. К числу «компрометирующих фактов» историк отнёс даже поздравительную телеграмму жены Медема — певицы М.А. Славиной — супруге председателя Комитета министров Матильде Ивановне по случаю пожалования Сергею Юльевичу графского титула. Подозрительным показалось исследователю и сообщение московским градоначальником Трепову излишне успокоительных сведений о ситуации в городе накануне Октябрьской стачки, а также представление доклада о железнодорожной забастовке 8 октября, т.е. через два дня после её начала (II, с. 118, 125, 177). Поздравления певицы вряд ли могут как-то объяснить действия её мужа, даже если допустить, что она рассчитывала тем самым обеспечить ему благосклонность вновь набиравшего силу сановника. А вот Трепова Медем действительно дезинформировал, однако, скорее всего, не из политических соображений, а исключительно из стремления избежать ответственности перед начальством за столь неблагоприятное положение на вверенной ему территории. Впоследствии, донося 21 октября о событиях в Москве после публикации манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», градоначальник точно так же не станет информировать Петербург о фактическом бездействии полиции во время столкновений «черносотенных» манифестантов и левых радикалов⁸⁸. О железнодорожной забастовке Медем, согласно «дежурным» дневникам

⁸² Там же; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 399. См. также: *Sanders J.* Op. cit. P. 584.

⁸³ ОР РГБ, ф. 307, к. 1, д. 4, л. 5.

⁸⁴ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 49–50.

⁸⁵ Там же. С. 60–62; Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 289–292.

⁸⁶ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 403.

⁸⁷ Там же. С. 403–406.

⁸⁸ Там же. С. 468.

градона начальства, узнал только 7 октября, данные же охранного отделения поступили уже на следующий день, и соответственно донесение в Департамент полиции было составлено незамедлительно⁸⁹.

Как и генерал-губернатор, в ряде случаев Медем действовал довольно решительно. Например, 10 октября в телеграмме заведующему политической частью Департамента полиции П.И. Рачковскому он поставил вопрос о введении в Москве военного положения⁹⁰. Однако зачастую его шаги лишь озадачивали современников: вступление московского градона начальника 6 октября в ряды «Русской монархической партии» В.А. Грингмута воспринималось как курьёз даже в консервативной среде⁹¹.

Хуже всех, по мнению Островского, проявил себя осенью 1905 г. Петерсон, получивший 22 сентября должность начальника Московского охранного отделения. Учёный ошибочно считал его родственником видного либерального оппозиционера В.Д. Набокова (что убедительно опровергли публикаторы книги) и убеждённым конституционалистом (II, с. 116–117). К сожалению, исследователь вслед за Р.Ш. Ганелиным некритично воспринял слова бывшего сотрудника московской охранки Л.П. Меньщикова, приписавшего Петерсону записку, подготовленную к 14 февраля 1905 г. одним из его предшественников на посту руководителя политического сыска Первопрестольной В.В. Ратко⁹².

Джунковский и А.А. Рейнбот (московский градона начальник в 1906–1907 гг.) критиковали Петерсона за нераспорядительность и неосведомлённость о происходившем в городе⁹³. Между тем это был ученик С.В. Зубатова, удостоившийся от него лестной аттестации и несколько лет служивший в охранных отделениях Москвы (исправляющий должность чиновника для особых поручений в 1900–1902 гг.), Санкт-Петербурга (помощник начальника в 1902–1903 гг.) и Варшавы (исправляющий должность начальника в 1903–1905 гг.). В августе 1905 г. его командировали в распоряжение Медема, видимо, для усиления сыска⁹⁴. И тут офицер, принявший дела в самый напряжённый момент, похоже, растерялся. К тому же именно осенью 1905 г. Петерсон, всегда болезненно ощущавший недостаток материальных средств⁹⁵, приобрёл имение, после чего оказался должен многим лицам (в том числе агенту варшавской охранки М.Е. Бакаю) и лихорадочно изыскивал способы расплатиться с кредиторами, забросив службу, в чём его впоследствии обвинили в Департаменте полиции⁹⁶.

⁸⁹ Там же. С. 414; «Дежурные» дневники... С. 39.

⁹⁰ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 422.

⁹¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 124, 126.

⁹² В этом документе, далёком от радикальных конституционных требований, признавалась готовность значительных общественных групп к борьбе с правительством и предлагалось привлечь часть «умеренных элементов общества» к «законодательной деятельности» (не уточняя условий, кроме имущественного ценза), а также намечался ряд социальных реформ и преобразований в организации сыска и судебной системы империи (Записка начальника Московского охранного отделения В.В. Ратко / Публ. Л.В. Ульяновой // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев, А.А. Чернобаев. М., 2017. С. 25–29).

⁹³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 114; РГИА, ф. 1393, оп. 1, д. 14, л. 4.

⁹⁴ ГА РФ, ф. 63, оп. 53, д. 201, л. 1, 14, 44, 48, 49.

⁹⁵ Так, он неизменно жаловался на слишком мелкие суммы прогонных денег (Там же, л. 22а, 36, 61).

⁹⁶ Там же, ф. 110, оп. 6, д. 3516, л. 13, 19 об.

Таким образом, можно согласиться с Островским в том, что руководители московской администрации осенью 1905 г. далеко не соответствовали занимаемым должностям, однако о полном параличе власти в городе (I, с. 674) говорить всё же не приходится. Также нет оснований усматривать в их назначении чей-то тайный умысел дезорганизовать местное управление. Более того, изначально их кандидатуры не могли считаться неподходящими. Сами же чиновники отнюдь не вели какой-то двойной игры и даже пытались по мере сил исправить ситуацию.

Нельзя забывать и об объективных обстоятельствах, сложившихся в Москве в 1905 г. Крайняя малочисленность городской и фабрично-заводской полиции, жандармов и сотрудников охранного отделения⁹⁷ создавала колоссальные трудности при поддержании порядка в городе. Быстро же увеличить штаты действовавших подразделений и структур было практически невозможно ввиду ведомственных противоречий, «битвы за денежные ресурсы» и враждебности оппозиционной Московской городской думы, оплачивавшей 37,5% полицейских расходов⁹⁸. Каждое ведомство всячески избегало даже потенциального вмешательства в свои дела. Московская жандармская железнодорожная полиция при поддержке Трепова и генерал-губернатора А.А. Козлова тщетно добивалась того, чтобы её сотрудникам разрешили присутствовать на собраниях рабочих-железнодорожников, однако в Министерстве путей сообщения её усилия упорно саботировали⁹⁹. Силы гарнизона, в 1905 г. всё чаще привлекавшиеся к исполнению полицейских обязанностей, были серьёзно ослаблены массовой отправкой солдат на Дальний Восток, демобилизацией после завершения русско-японской войны и признанием полковыми комиссиями многих новобранцев негодными к службе¹⁰⁰. При этом отсутствие централизованного руководства войсками, направленными в распоряжение администрации, порождало трудности при взаимодействии полиции и армейских частей (слишком позднее или раннее прибытие подразделений, неосведомлённость их командиров о топографии Москвы, стремление местного начальства удержать воинские контингенты и т.д.). Необходимость пребывания в нарядах бессменно по несколько дней, часто неудовлетворительные условия содержания (в том числе из-за скудных полицейских ресурсов) приводили как к усталости и недовольству солдат, так и к обоснованным претензиям к властям города со стороны командования военного округа¹⁰¹. А поскольку эти проблемы были характерны для всей империи, решать их, опираясь на нужды Первопрестольной, обычно не удавалось¹⁰².

⁹⁷ ЦГА Москвы, ф. 46, оп. 14, д. 61, л. 49 об.–50, 57 об.–58; Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 614, 742; Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публ. И.В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183; *Гурьев В.И.* Московская полиция. 1881–1917 гг. Изд. 2. СПб., 2017. С. 53–54, 111–112.

⁹⁸ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 2, т. 2, л. 1, 8, 39; *Гурьев В.И.* Московская полиция... С. 102, 105–107.

⁹⁹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 212, л. 1, 6–7, 8, 10–10 об.

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 217, л. 3 об.; ф. 1606, оп. 2, д. 1113, л. 27, 29 об., 31; Из истории Московского вооружённого восстания. Документы и материалы. М., 1930. С. 46–47.

¹⁰¹ РГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1113, л. 13–15; д. 440, л. 173; д. 1118, л. 764; ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 773, т. 9, л. 128–129; *Дневник Л.А. Тихомирова...* С. 128.

¹⁰² ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 12–12 об.; *Всероссийская политическая стачка...* Ч. 1. С. 430, 679.

Наконец, отношение императора и руководства МВД (особенно Трепова) к либеральному движению, ведущее положение в котором занимали представители именитых дворянских родов, в условиях военных поражений и финансового кризиса до июльского земского-городского съезда, призвавшего общество к борьбе с правительством, оставалось достаточно осторожным. Островский ошибочно полагал, будто Козлов допустил земский съезд 22–24 мая вопреки воле императора, выраженной в телеграмме Трепова 23 мая (I, с. 632). 24 мая Николай II передал решение на усмотрение генерал-губернатора, указав только: «Действуйте по совести и на основании действующего закона»¹⁰³. Конечно, Островский видел объективные трудности, с которыми сталкивалась московская власть. Так, анализируя переписку Медема и Трепова, он обнаружил фактическое равенство бюджетов охранного отделения и партии социалистов-революционеров (II, с. 94–95). Однако рассмотреть влияние этого фактора на действия администрации он не успел или не счёл необходимым.

---

¹⁰³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 2, д. 156, л. 32.